

„Ахъ! какъ бы ее увидѣть! она, вѣрно, носить на челѣ отпечатокъ гения; вѣрно, только и говоритъ о поэзіи да о литературѣ, высказываетъ мнѣнія свои въ родѣ импровизаціи, употребляетъ техническіе термины, носитъ съ собой карандашъ и бумагу для записыванія счастливо-мелькнувшихъ идей!..

„Бѣдная писательница ѣдетъ, въ невинности души своей, обѣдать, не подозревая, что ее приглашали на показъ, какъ пляшущую обезьяну, какъ змѣя въ фланелевомъ одѣялѣ; что зоры женщинъ, всегда зоркіе въ анализировкѣ качествъ сестеръ своихъ, вооружились для встрѣчи съ ней сотней умственныхъ лорнетовъ, чтобы разобратъ ее по волоску отъ чепчика до башмака; что отъ нея ждутъ вдохновенія и книжныхъ рѣчей, поражающихъ мыслей, кафедральнаго голоса, чего-то особеннаго въ поступи, въ поклонѣ и даже латинскихъ фразъ въ смѣси съ еврейскимъ языкомъ,—потому что женщина-писательница, по общепринятому мнѣнію, не можетъ не быть ученой и педаггкой, а почему такъ? не могу доложить!

„Боже мой, вѣдь какъ подумаешь, какъ многие всю жизнь свою сочиняютъ и безпошлинно разсѣиваютъ по свѣту небылицы,—и никому не вдумается выдавать имъ патентовъ на ученость, оттого только, что они сочиняютъ словесно! За что жъ, чуть бѣдная писательница наброситъ одну изъ вышпереченныхъ небылицъ на бумагу, всѣ единогласно производятъ ее въ ученые и педаггки!.. Скажите, отчего и за что такое непрошенное таланто-почитаніе?

„И потомъ, она ни съ кѣмъ не можетъ сойтися. Одни воображаютъ, что она тотчасъ схватитъ ихъ слѣпокъ и такъ-таки живьемъ передастъ въ журналъ. Другимъ вѣчно мерещится на устахъ ея сатанинская улыбка, въ глазахъ сатирическая наблюдательность, предательское шпионство,—уже и тамъ, гдѣ, право, всякое шпионство было бъ ковшикомъ черпающимъ изъ воздуха воду; все въ ней будто не такъ, какъ въ другихъ женщинахъ... да не знаю что, а истинно что-то не такъ!

„Посудите же по этому блѣдному очерку тысячной доли того, что достается бѣдной писательницѣ, каково бродить ей по свѣту, быть

вездѣ незваной гостьей, вѣчно ознакомливаться. Едва узнаютъ ее въ одномъ мѣстѣ, едва привыкнутъ видѣть въ ней *женщину* безъ жесткаго прилагательнаго: писательница, едва приглубятъ добрые люди,—какъ вдругъ *нехоть*, перемѣна квартиръ—начинай снова знакомства съ азбуки“.

Къ этому яркому очерку неудобствъ, сопряженныхъ на Руси съ званіемъ женщины-писательницы, даровитая Зенеида Р—ва могла бы прибавить что-нибудь въ родѣ фзіологическаго очерка посмертныхъ друзей и журнальных буфоновъ, пляшущихъ и иривляющихся на могилахъ литературной знаменитости. Вѣдь бываетъ и это на бѣломъ свѣтѣ, оттого что шутамъ законъ не писанъ. Но могила безмолвна и безотвѣтна...

Миръ праху твоему, благородное сердце, безвременно разорванное силой собственныхъ ощущеній! Миръ праху твоему, необыкновенная женщина, жертва богатыхъ даровъ своей возвышенной натуры! Благодаримъ тебя за краткую жизнь твою: не даромъ и не втунѣ цвѣла она пышнымъ, благоуханнымъ цвѣтомъ глубокихъ чувствъ и высокихъ мыслей... Въ этомъ цвѣтѣ—твоя душа, и не будетъ ей смерти, и будетъ жива она для всякаго, кто захочетъ насладиться ея ароматомъ...

Есть писатели, которые живутъ отдѣльной жизнью отъ своихъ твореній; есть писатели, личность которыхъ тѣсно связана съ ихъ произведеніями. Читая первыхъ, услаждаешься божественнымъ искусствомъ, не думая о художникѣ; читая вторыхъ, услаждаешься созерцаніемъ прекрасной человѣческой личности, думаешь о ней, любишь ее и желаешь знать ее самое и подробности ея жизни. Къ этому второму разряду писателей принадлежала наша даровитая Зенеида Р—ва.

Русская литература въ 1842 году.

Было время, когда журналы въ Европѣ по преимуществу назывались «зрителями»; теперь имя «обозрѣній» (revues) осталось за ними исключительно и значить то же самое, что у насъ, на Руси, слово «журналъ», а журналами называются тамъ газеты. Въ этихъ названіяхъ столько же основательности и толку, сколько у насъ неосновательности и безтолковости. Большая часть журналовъ у насъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, тогда какъ иностранное слово «журналъ» совершенно равнозначительно русскому «дневникъ» или «ежедневникъ». Слово «газета», оставшееся у насъ преимуще-

ственно за тѣми періодическими изданіями, которыя за границею называются «журналами», не выражаетъ никакого смысла, почему почти и оставлено въ Европѣ. Еще болѣе основательности и глубокаго смысла видно въ замѣненіи слова «зритель» словомъ, «обозрѣніе»; эта перемѣна какъ нельзя лучше характеризуетъ собой двѣ эпохи:—одну, когда люди только созерцали и смотрѣли на жизнь, какъ на занимательный спектакль, и другую, когда люди уже не довольствуются только тѣмъ, что смотрятъ глазами, а хотятъ вмѣстѣ съ тѣмъ смотрѣть и умомъ. Предшествовавшая эпоха была созерцатель-